

Лингвистика. Литературоведение

А.В. Блохинская

ЯВЛЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ В ХАРБИНЕ (на материале записей речи В.П. Хан)

The paper is devoted to the phenomenon of interference in the speech of the representatives of Russian emigration.

Миллионы людей в течение своей жизни овладевают несколькими языковыми системами и могут использовать их каждую в отдельности в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации. Однако при этом, как правило, в одном из этих языков происходит разрушение норм под влиянием другого, т.е. возникает такое явление, как интерференция.

Считается, что для нормального общения знание фонологии должно соответствовать 100%, а знание грамматики может составлять 50% – 90% [1, с. 27]. Однако в случаях многоязычия почти всегда наблюдается явление интерференции – результат того, что человек знает больше языков, чем один, т.е., как правило, вследствие языкового контакта. В зависимости от того, на каком языковом уровне проявляется иноязычное влияние, различают синтаксическую, лексическую, грамматическую и фонетическую интерференцию. Объем и характер интерференции зависят от различных лингвистических и психологических факторов, от социальных и культурных отношений, характерных для общества, в котором живет многоязычный носитель.

Рассмотрим проявление интерференции в речи В.П. Хан, одной из представительниц русской диаспоры в Харбине – центре русской восточной эмиграции. По национальности В.П. Хан корейка, она родилась в 1924 г. в Чаньчуне в семье эмигрировавших из России корейцев. Всю свою сознательную жизнь В.П. Хан провела в Харбине, выучила там русский язык, получила на нем образование: среднее и два высших (окончила гимназию Ф.М. Достоевского в 1939 г., Северо-Маньчжурский университет в 1942 г., Харбинский политехнический институт в 1951 г.). Большую часть своей жизни В.П. Хан была связана с русскими эмигрантами, принимала активное участие в жизни русской диаспоры в Харбине (участвовала в разрешении юридических вопросов, посещала русскую православную церковь и иногда во время отсутствия священника заменяла его на богослужениях). Кроме того, в молодости В.П. Хан была влюблена в русского парня, и это чувство она сохранила на всю жизнь. Личностные аспекты соприкосновения нашего информанта с русской культурой не могли не обернуться глубокой верой и любовью ко всему русскому, что в свою очередь не могло ни отразиться на языке.

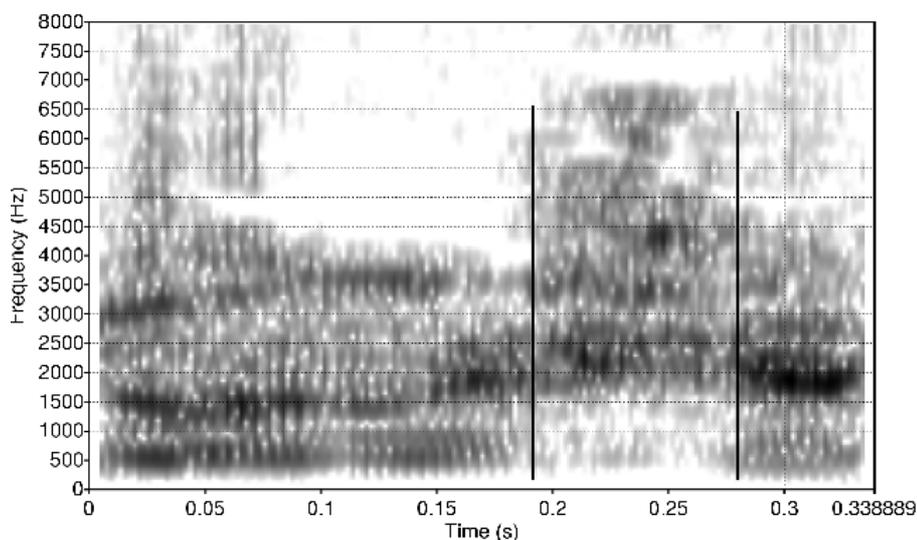
В область ее языковой компетенции входили четыре языка: китайский, на котором в последний период жизни происходило ее общение в повседневной жизни, английский, который она преподавала детям, ее родной корейский язык и русский, использовавшийся при контактах с русскоговорящими людьми.

В.П. Хан характеризует высокий уровень владения русским языком, который не являлся для нее родным. Однако, несмотря на хорошее знание русского языка и виртуозное владение им, в ее речи отмечается интерференция на различных языковых уровнях.

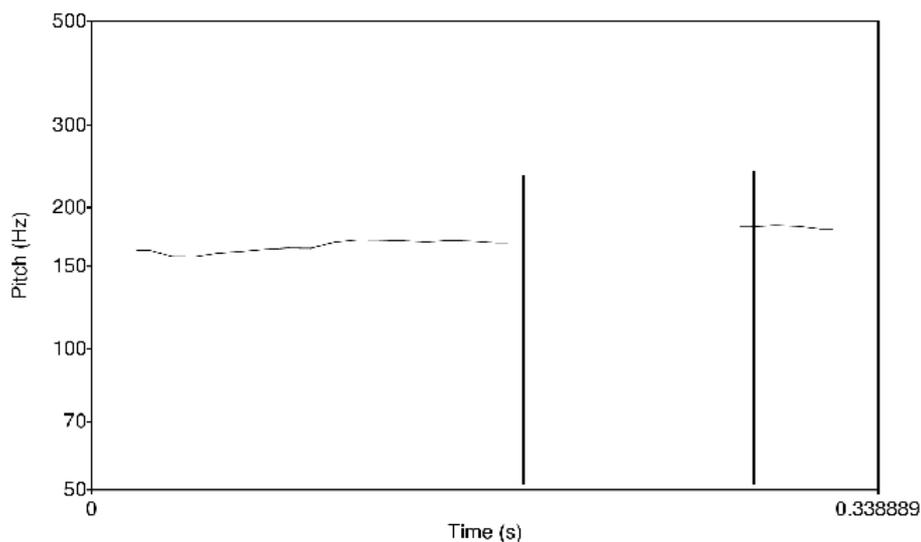
Охарактеризуем проявление интерференции в речи В.П. Хан на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях языка.

Фонетическая интерференция. Наблюдаются отклонения от русской произносительной нормы в тех случаях, где существуют расхождения в фонетических системах трех языков: русского, китайского и корейского. Рассмотрим эти явления более подробно.

Отмечаются случаи оглушения звука [ж] в речи В.П. Хан. Это заметно даже в сильной для согласного позиции перед гласным: *уже, же, даже*. Это подтверждают и данные сонаграммы (рис. 1 и 2). Здесь представлен фрагмент из речи В.П. Хан сочетание «он уже». Линиями обозначена граница реализации звука [ж]. На рис. 2 показано движение основного тона на этом фрагменте. На месте реализации [ж] график основного тона отсутствует, что характерно для глухих согласных. Спектр же звонких звуков отражает частоту основного тона [2, с. 19]. Кроме

того, при произнесении звонких согласных наличие голоса фиксируется в виде темной полосы в

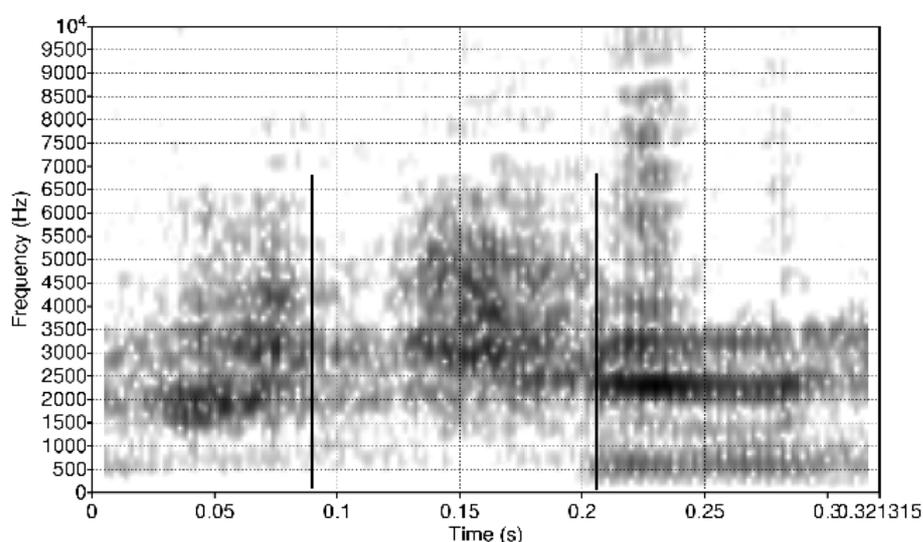
самой низкой частоте спектра в области частоты основного тона [3, с. 164].

Рис. 1. Оглушенный /ж/-[ш] сонаграмма.

Рис. 2. Движение основного тона на сегменте «он уже».

Оглушение звонкого [ж] может быть обусловлено влиянием китайского языка. В китайском звук [ж] является полувонким. Участие голосовых связок здесь такое же, как при произнесении полувонких [b], [d], [g] [4, с. 76]. При китайских [b], [d], [g] сначала образуется преграда, и лишь затем, в момент взрыва, начинают вибрировать голосовые связки (и притом довольно слабо), что дает основание характеризовать эти согласные как полувонкие [5, с. 47].

Звук [ч] в речи В.П. Хан имеет варианты. В одних формах он реализуется согласно русской норме, причем даже в иноязычных словах: *Чинхе, значит, человек, чай*. В других случаях на его месте реализуется звук, трудно различимый на слух, схожий с [с'], а иногда с [ц'], т.е. наблюдается мена ч//с' и ч//ц': *о[с']ень – очень, про[с']итаю – прочитаю, зна[с']ит – значит, на[ц']альник – начальник, горя[ц']ие – горячие*. Это подтверждают и данные сонаграмм (рис. 3 и 4). На рис. 3 показана граница реализации [с'] на месте [ч] в слове «очень». Здесь отсутствует фаза смычки характерная для аффрикат, которая на сонаграммах представлена в виде белой полосы [2, с. 19]. Это полоса проявляется на рис. 4, где выделена граница реализации аффрикаты [ч] в сочетании «в Чинхе».

Чинхе». После смычки образуется щелевая фаза, которая реализуется как высокочастотный шум [6, с. 83], что мы также можем наблюдать на рис. 4.

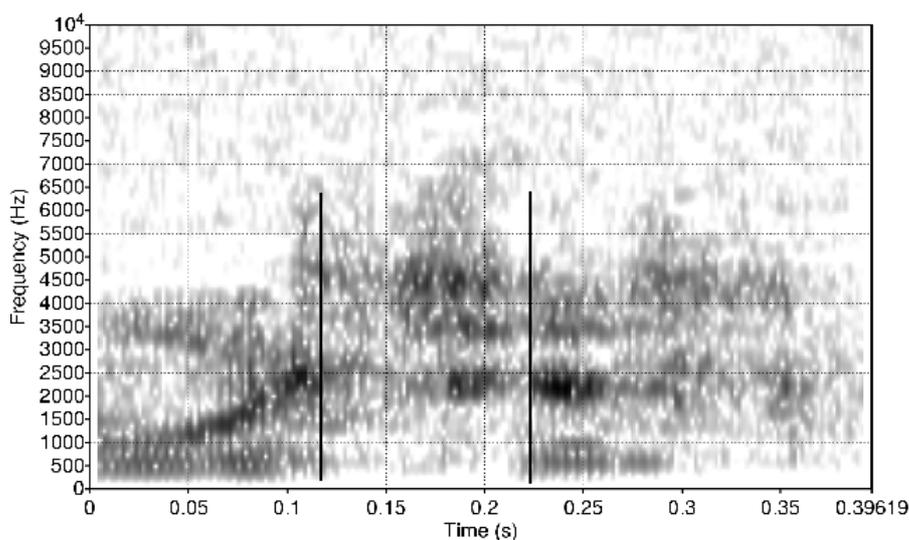
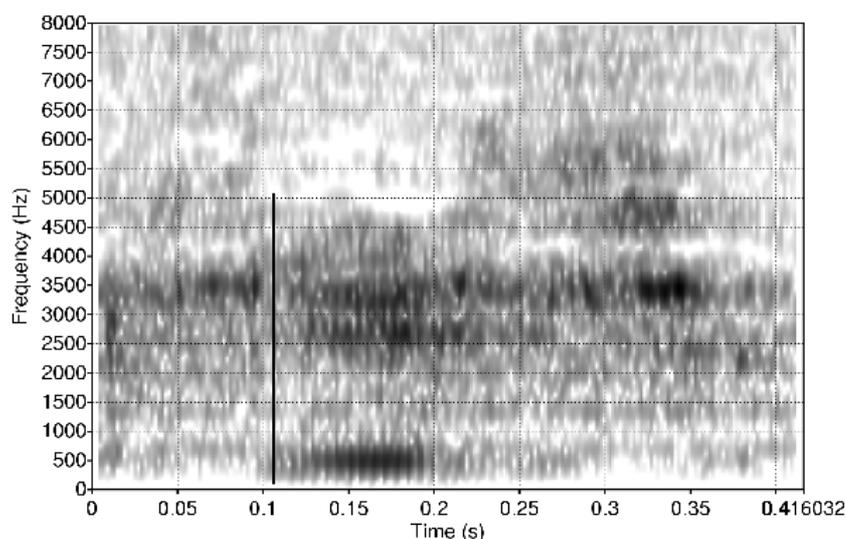

Рис. 3. Реализация щелевого [с'] на месте [ч] в слове «очень».

Рис. 4. Реализация аффрикаты [ч] в сочетании «в Чинхе».

Отмечается сверхдифференциация фонем при использовании смягченного [л'] в конце слова, что характерно для корейского языка, где r и l – варианты одной фонемы, реализующиеся в речи в зависимости от определенной позиции [3, с. 11]. Корейский согласный [l] произносится мягче, чем русский твердый [л]. Этот звук возможен в конце слога перед последующим согласным и в конце слова. Согласный [r] в отличие от русского [р] более мягкий. В речи В.П. Хан [р] и [л] в основном соответствуют нормам русского языка. Однако мы отметили два случая, когда на конце слова произносился мягкий [л']: *Лежа[л'] да сиде[л'] / и совсем не вставал*.

В речи В.П. Хан отмечается выпадение согласного звука перед другим согласным в допустимых для русского языка сочетаниях зд, пр, ств, дн, гд. Выпадение происходит после согласного перед гласным или перед следующим согласным: *зесь* – *здесь*, *хозяйсвом* – *хозяйством*, *еси* – *если*. Эти данные подтверждаются и сонаграммой (рис. 5), на которой показана граница между согласным [з'] и гласным [э] при выпадении [д'] в слове «здесь». Сразу за звуком [з'] следует гласный [э], о чем свидетельствует затемнение в нижней части сонаграммы,

характерное для неконсонантных звуков, т.е. гласных, обладающих большей интенсивностью [2, с. 19].

Рис.5. Эллиптирование /д'/ из слова «Здесь».

Это явление может быть обусловлено влиянием китайского языка. Китайский слог состоит из двух основных структурных элементов, каждый из которых занимает свое определенное место в слого: согласная часть – в начале слога, гласная – в конце слога. Согласная часть может быть выражена только одним согласным звуком [5, с. 6]. В этом языке единственной реальной произносительной единицей является открытый слог [7, с. 62]. Однако такое явление в речи В.П. Хан не системно. Наравне с выпадением согласного отмечается и его сохранение: *раздарил, здоровый, ездил*.

Необходимо отметить, что в речи В.П. Хан встречаются слова, звуковой состав которых отличается по своей акустической природе от русских вариантов и соответствует тому языку, к которому они принадлежат. Это в основном китайские имена, фамилии, названия каких-либо мест: *Джо Фу Цай, Джан Ли, Хайлар*. Такое явление характерно для речи эмигрантов-билингвов [8, с. 215].

Словесное ударение в речи В.П. Хан качественно отличается от нормативного для русского языка. Ударные звуки часто произносятся более протяжно и мелодично: *она ка-ак, значит, это-о*. Это также может быть обусловлено влиянием китайского и корейского языков. В китайском языке ударный слог отличается от безударного большей длительностью и более

напряженной и четкой артикуляцией звуков, составляющих слог [5, с. 56]. Это может быть вызвано и особенностями женской речи, где растяжка гласного широко распространена [9, с. 106]. В сочетании с разными типами мелодических движений она помогает передавать разные значения, придает речи экспрессивность [9, с. 107]. Такое произношение характерно для русской женской речи, и В.П. Хан с успехом перенимает его.

Грамматическая интерференция. На грамматическом уровне отступления от нормы в русской речи В.П. Хан представлены в частности в употреблении глаголов. В таких формах как «*как он с детства здесь вырос*», «*она часам уставится*», «*потом она мне писала письмо*» (в значении «написала») совершенный вид глагола употребляется вместо несовершенного.

Наблюдается и обратное явление – несовершенный вид глагола употребляется вместо совершенного: «*Я должна была в том году уже кончать музыкальную школу*». Смещение форм глагола может быть вызвано нерелевантностью видовых различий в китайском и корейском языках. В китайском временное значение передается с помощью суффиксов [5, с. 11], а в корейском длительный вид глагола выражается с помощью специального служебного предикатива и указания на момент начала действия [10, с. 153].

В выражении «*объясняться никак не можно*» неправильно образована форма с отрицательным значением. В русском языке значение невозможности передается с помощью слова «нельзя». В китайском языке для того, чтобы указать на невозможность совершения действия, нужно лишь добавить определенное форму, которая несет в себе отрицательное значение [4, с. 61].

Отмечаются пропуск или неправильное употребление в русской речи В.П. Хан предлогов. Например: «*Посуда в буфете исчезла*», «*а мы с двух часов сели за стол*», «*обязательно первый день пасхи ко мне*», «*в общем четыреста юаней мне обошлось это... телефонная установка*», «*не нашли ключа из буфета*», «*что я последний месяц им не заплатила*». Известно, что в китайском языке один предлог может иметь значения, соответствующие разным предлогам русского языка, либо вообще отсутствовать. Выполняя функцию обстоятельства, существительное оформляется тем или иным послесловом – служебным словом, уточняющим позицию чего-либо по отношению к данному предмету [5, с. 11]. В корейском языке предлоги также заменяются специальными послесловами, за которыми закреплены определенные значения и которые употребляются после слова, к которому они относятся [10, с. 65]. Это могло вызвать проявление интерферирующих явлений в речи В.П. Хан.

Синтаксический уровень можно считать наиболее проницаемой зоной для иноязычного влияния, так как многие синтаксические конструкции носят идиосинкретичный характер и описываются индивидуальными правилами. В связи с неправильным употреблением предлогов в речи В.П. Хан, в частности их пропуском, можно говорить о таком явлении как разрушение синтаксических связей в словосочетаниях. Пропуск предлогов, их замену можно объяснить не только влиянием морфологических особенностей китайского и корейского языков, но и синтаксическими особенностями этих языков. Так, пропуск служебных слов является характерной чертой китайского языка. Особенно часто встречается пропуск союзов, иногда имеет место пропуск предлогов, присущ он, главным образом, разговорному стилю [4, с. 96].

Наблюдаются случаи рассогласования именных форм. Определительные и указательные местоимения не всегда согласуются с главным словом: *каждая няньке, каждое субботу вечером, такая вкус*. В предложении: «*Мама гадала када-та // када мне было восемнадцать лет / что мне / до двадцати лет низя выдавать замужу*», – местоимение «мне» употреблено в дательном падеже вместо требуемого по смыслу родительного. На появление всех этих нарушений при употреблении различных типов местоимений в речи В.П. Хан могло повлиять неразличение в

китайском языке местоимений по родам, числам (исключение составляют лишь личные и притяжательные) и неизменяемость по падежам [4, с. 48].

В речи В.П. Хан наблюдаются случаи синтаксического калькирования. Так, встречается форма «сделать удовольствие»: *Я вот все-таки очень рада что я / перед смертью сделала ей удовольствие*. В русском языке существует выражение «сделать с удовольствием». Однако на образование формы «сделать ей удовольствие» могла оказать влияние и конструкция английского языка «to make sth» – сделать что-либо.

Отмечается и такое выражение как «сделал обед»: *«Он, значит, ему сделал обед / такой хороший //»*. Подобное употребление можно объяснить тем, что в китайском языке используется один глагол для передачи таких значений как «делать что-либо», «создавать» и «готовить» [11, с. 73].

Встречается выражение «получить телефонный звонок»: *«То что в первый раз я получила / телефонный звонок»*. Полагаем, что на построение этой фразы мог повлиять английский язык, в котором слова «звонить» (по телефону), «звонок» (телефонный) обозначаются одним словом. Кроме того, фраза «I got a call» (мне звонили) дословно переводится «я получил звонок» [2, с. 4; 13, с. 103, 329, 385]. Такое употребление можно рассматривать как кальку.

Для указания времени В. П. Хан частотно использует такие формы: «три с половиной», «десять с половиной»: *«Я в десять с половиной пойду к Ефросинье// Я в три с половиной вернулась домой //; он в два часа сел / сел за стол / не вставая до десяти с половиной вечера //»*. Такое указание времени характерно для китайского и английского языков, в то время как в русском языке используются выражения «половина четвертого», «пол-одиннадцатого» [11, с. 181].

Лексическая интерференция. Лексический уровень легко поддается влиянию языка той страны, в которой живет эмигрант. Однако языки стран проживания неодинаково воздействуют на их речь. Наибольшее влияние оказывают языки, имеющие большую социальную и культурную значимость. Что касается харбинской эмиграции, то мы должны учитывать, что здесь все старались сохранить русский язык. Большинство эмигрантов отказывалось изучать китайский язык, тем более что китайцы сами стремились освоить русский язык. Это, в свою очередь, не могло не повлиять на лексический запас нашего информанта, который большую часть жизни провел в среде русских эмигрантов.

Словарный запас В.П. Хан отличается богатством русской лексики, наличием большого количества фразеологизмов. Например: «спустя рукава», «ни жив ни мертв», «звон малиновый», «хождение по мукам», «глаз алмаз». Наряду с этими фразеологизмами, отмечались и устойчивые сочетания, не характерные для русского языка. Например: *«Мама страшно любила меня / боялась меня потерять / и она караулила меня / как кошка // Вот мы идем на вечер / мама с папой по бокам ведут меня как арестованную //»*. В корейском языке встречается близкая по значению поговорка: «И тигр защищает своих детей» [14, с. 9].

Естественно, в русской речи В.П. Хан встречаются заимствования топонимического характера, связанные с ее жизнью в Китае. Например: *Чинхе□, Су□□нгри, Джо Фу Цай, Хайлар, Никиши, Канэбэ* и др.

Нужно отметить, что некоторые из этих слов по своему звуковому составу приближены к русскому языку, – например, *Чинхе, Сунгри, Цейндж*. У других звуковой состав отличается по своей акустической природе от русских вариантов. Они произносятся по образцу языка-источника: *«Его называют Ваза Ю Чи Ча; Джо Фу Цай; Сначала была Таня Кун// Мы оказались в Никиши□х»*.

Некоторые из иноязычных форм изменяются по падежам согласно нормам русской грамматики: *«Да как же ты не помнишь / в Хайларе?; Как я увидела Тима сразу вспомнила / Хайлар / сорок шестой год /»*.

Но наиболее ярким проявлением интерференции является употребление в русской речи В.П. Хан некоторых слов на китайском языке, с последующим переводом на русский. Такое употребление может быть вызвано невозможностью подобрать точный вариант на русском языке, нечастым употреблением русского варианта слова либо отсутствием необходимости в переводе: *«Потом нам в газете написала // Называется Последний Вечер это // Даже какая-то тайна вечере // Она по-китайски **последний вечер** // (китайское название); Она на улице торговала этими (название по-китайски) м-м **шаилыками**; Он посылает во все страны журнал **называется** / (нрбр.) // Это еврейский журнал»*.

Проанализировав русскую речь В.П. Хан, мы пришли к следующим выводам. Фонетическая интерференция в речи В.П. Хан представлена случаями недодифференциации фонем по глухости/звонкости под влиянием китайского языка, в котором такое противопоставление отсутствует, элементы свёрхдифференциации фонем представлены при использовании смягченного [л'] в конце слова под влиянием корейского языка. Обнаруживается тенденция к использованию открытых слогов, характерных для китайского языка, выразившаяся в отказе от употребления групп согласных. Отмечаются случаи замены одного согласного другим в недопустимых для русского литературного разговорного языка позициях в силу различных причин. Наблюдаются и случаи вкрапления слов отличных по своей акустической природе от русских, в основном это имена собственные и топонимы.

Ударение в основном соответствует норме, за исключением тех случаев, когда ударные звуки произносятся более протяжно и мелодично, что может быть вызвано рядом причин, в том числе влиянием китайского и корейского языков.

Грамматической интерференции в речи В.П. Хан проявляется при употреблении форм совершенного/несовершенного вида глагола. Отмечаются пропуск или неправильное употребление предлогов. Здесь могло проявиться влияние китайского языка, в котором нет развитого морфологического изменения, немного словоизменительных форм. Кроме того, в этом языке употребление морфологических показателей факультативно и необязательно. Так же в речи информанта отмечаются кальки глагольных конструкций с глаголом «сделать», встречается калька со словом «звонок», характерные для китайского и английского языков.

Лексическая интерференция проявилась в использовании устойчивых сочетаний, нехарактерных для русского языка, заимствований топонимического характера. Но наиболее ярким проявлением интерференции является употребление в русской речи В.П. Хан некоторых слов на китайском языке, с последующим переводом на русский.

Однако большинство нарушений норм русского языка в речи В.П. Хан не носит системного характера и чередуется с правильными употреблениями. И такое явление вполне закономерно, так как без интерференции нет многоязычия.

-
1. Иванцова, Е.В. Феномен диалектной личности. – Томск, 2002.
 2. Касаткин, Л.В. Фонетика современного русского литературного языка. – М., 2003.
 3. Кодзасов, С.В. Общая фонетика. – М., 2001.
 4. Горелов, В.И. Теоретическая грамматика китайского языка. – М., 1989.
 5. Задоев, Т.П. Основы китайского языка. Вводный курс. – М., 1993.
 6. Бондарко, Л.В. Фонетика современного русского языка. – СПб., 1998.
 7. Алексахин, А.Н. Теоретическая фонетика китайского языка. – М., 2006.

8. Оглезнева, Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). – Благовещенск, 2009.
9. Земская, Е.А., Китайгородская, М.В., Розанова, Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его коммуникативно-прагматическом аспекте. – М., 1993.
10. Верхоляк, В.В. Учебник корейского языка. В 2-х ч. – Ч. 1. – Владивосток, 1997.
11. Задоевко, Т.П. Основы китайского языка. Основной курс. – М., 1993.
12. Блохинская, Л.О. English on business. – Благовещенск, 2006.
13. Мюллер, В.К. Новый англо-русский словарь. – М., 2004.
14. Корейские народные пословицы, поговорки и выражения / ред. П. Петров. – М., 1958.